во-первых, установить бессмертие душ, а затем также внушить приятность добродетели и отвратить от порока.

В III главе IV книги рассказывается о переговорах между сторонниками высшего иерусалимского жречества и революционно настроенными зилотами. В части 13 данной главы сообщается о посольстве к зилотам Иоанна Гисхальского, которого первосвященник Анан предварительно заклинает, чтобы он не сообщал мятежникам планов, принятых сторонниками мира с римлянами. В переводе мы находим: «.. преже закленъ его, да прияеть ему и людем и не проявить ревнителемь ни думы, ни слова, ни дѣла».[150] В греческом этому соответствует лишь: никакого совета, никакого дела не передавать врагам. Как видим, переводчику принадлежит яркий поэтический оборот речи с трехчленной возрастающей градацией и с постепенным усилением конкретности в изложении. В той же главе, несколько выше, тот же первосвященник обращается к народу с таким патетическим воззванием: «...и живу, о сълньце, и веледушю, и не емлю славныя смерти от своее старости!».[151] В греческом здесь, как и в XXV главе книги I, отсутствует обращение к солнцу. Если мы примем во внимание, что в еврейском языке один и тот же глагол мог обозначать и «жить», и «клясться», то смысл приведенного воззвания становится ясен. Говорящий клянется солнцем. Несомненно, что поэтический характер перевода, стремление переводчика к наибольшей живости и образности речи послужили источником подобного призывания.

В наших работах в качестве примера эмоционального изображения природы приводился отрывок из III главы III книги «Истории» с описанием Галилеи. Отмечалось, что подобное поэтическое описание сильно отличается от суховатого по своей форме изложения в греческом подлиннике. Указывалось, что такое изображение природы не только в стилистическом, но и в идейном отношении стоит близко к «Слову о погибели Русской земли».[152]

В 1960 г. появилась статья В. В. Данилова, посвященная названному памятнику древнерусской литературы XIII в.[153] Автор статьи, не упоминая наших работ и не ссылаясь на них, выступает со скрытой полемикой против положений, высказанных нами. Приведя дословный подстрочник греческого текста и процитировав для сравнения использованный нами отрывок перевода, В. В. Данилов подчеркивает, что, по его мнению, древнерусский перевод описания Галилеи почти буквально передает греческий текст оригинала. Лишь немногое отличает перевод от подлинника: образное сравнение количества сел в Галилее с количеством звезд и наличие эпитета «жатвенное» при существительном солнце.

Несомненно, эти два отличия древнерусского перевода от подлинника, указанные В. В. Даниловым, сами по себе весьма существенны. Они неопровержимо свидетельствуют о поэтизации текста переводчиком. Если к этому добавить ритмическую организацию фраз в тексте перевода, на которую даже нет намека в греческом, то есть основания утверждать, что такая поэтизация была со стороны переводчика, быть может, и бессознательной, и не нарочитой, однако она вытекала из его художественной одаренности, проявляла его владение слогом и подлинное стилистическое мастерство. Таким образом, и в данном случае можно сказать, что пере-

---

[150] Там же, стр. 332—333.
[151] Там же, стр. 330.
[152] Там же, стр. 87.
[153] В. В. Данилов. «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 132—142.